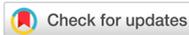

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Палашевская И. В. Лингвосомиотические характеристики власти и статуса в англосаксонском эпосе раннего Средневековья / И. В. Палашевская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 77—97. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-77-97.

Palashevskaya, I. V. (2025). Semio-linguistic Characteristics of Power and Status in Anglo-Saxon Epic Poetry of Early Middle Ages. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 77-97. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-77-97. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Лингвосомиотические
характеристики
власти и статуса
в англосаксонском эпосе
раннего Средневековья**

Палашевская Ирина Владимировна
orcid.org/0000-0002-2719-8147
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики
english@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

**Semio-linguistic
Characteristics
of Power and Status
in Anglo-Saxon Epic Poetry
of Early Middle Ages**

Irina V. Palashevskaya
orcid.org/0000-0002-2719-8147
Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Language
Communication and
Language Education
english@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено описанию культурной специфики языковой репрезентации власти в англосаксонском героическом эпосе. На материале поэмы «Беовульф» автор рассматривает эпическое наследие как источник сведений о ценностных ориентирах и предпочтениях правящей общности, способах и средствах выстраивания ее идентичности. Выделяются различные типы знаков идентификации и легитимации социального статуса правителей и их окружения, включая персональные интродуктивы, вокативы (эмблематические имена и обращения), локусные (места средоточия власти), атрибутивные (предметы, обладающие особой значимостью, ценности власти), соматические (телесные отличия, манера держаться и говорить, являющиеся частью идентичности социальной фигуры) и акциональные знаки (обозначения действий, связываемых с ролью субъекта власти в раннесредневековом обществе). Внимание уделяется модусам интродукции и интерпретации презентем власти (эмблематический, аллегорический, символический) в англосаксонской раннесредневековой лингвокультуре. Изучены особенности актуализации рассматриваемых типов знаков в социокультурных коммуникативных практиках (актах «демонстративной траты») во время публичных церемоний, собиравших всю общину вместе (дар, угощение медовым напитком во время пира, захоронение сокровищ в погребальных обрядах) и служивших способом самопредъявления власти обществу, создания образа властвующей элиты на внутреннем и межземельном уровне.

Ключевые слова:

героический эпос; семиотика; власть; престиж; элита; языковая презентема; ценности постстарной лингвокультуры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the cultural specificity of linguistic representation of power in Anglo-Saxon heroic epic poetry. Focusing on the poem “Beowulf,” the author examines the epic heritage as a source of insights into the value orientations and preferences of the ruling community, as well as the methods and means by which it constructs its identity. Various types of signs for identifying and legitimizing the social status of rulers and their entourages are highlighted, including personal introductions, vocatives (emblematic names and address), locational signs (centers of power), attributive signs (objects of particular significance and value to power), somatic signs (physical distinctions, demeanor, and speech that constitute aspects of social identity), and actional signs (indications of actions associated with the role of power holders in early medieval society). The study pays particular attention to the modes of introduction and interpretation of power presentems (emblematic, allegorical, symbolic) within Anglo-Saxon early medieval linguistic culture. It also investigates the peculiarities of the realization of these types of signs in sociocultural communicative practices (acts of “conspicuous consumption”) during public ceremonies that brought the entire community together (gifts, mead feasts during banquets, and treasure burials in funerary rites), serving as a means of self-presentation of power to society and creating an image of the ruling elite at both internal and interregional levels.

Key words:

heroic epic; semiotics; power; prestige; elite; linguistic presentem; values of post-structural linguistic culture.

УДК 811.111'42:82-131

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-77-97

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран

Лингвосемиотические характеристики власти и статуса в англосаксонском эпосе раннего Средневековья

© Палашевская И. В., 2025

1. Введение = Introduction

На сегодняшний день собрано колоссальное количество фактов о лингвокультурном наследии англосаксов, однако ни одно произведение не было предметом столь широкого и непроходящего исследовательского интереса, как поэма «Беовульф» (VII—VIII века). В своем документальном фильме «О Беовульфе» историк, писатель, режиссер М. Вуд заметил, что это эпическое сказание о мире, затерянном между язычеством и христианством, сформировало культуру британского социума и особенно его литературный язык [Wood, 2009]. 3182 строки, связанные аллитерацией, по сей день сохраняют загадочную силу влияния на своих читателей и служат источником вдохновения для мастеров художественного слова. Созданные поэмой образы германских героев и конунгов перекочевали в современное пространство англоязычной литературы, адресованной в том числе и юной аудитории. Популярными версиями поэмы — «Беовульф: победитель дракона» Р. Сатклифф (Rosemary Sutcliff, *Beowulf: Dragon-Slayer*, 1961) и «Беовульф» М. Морпурго (Michael Morpurgo, *Beowulf*, 2006). В 1999 году перевод эпического текста, сделанный ирландским поэтом Ш. Хини (Seamus Heaney, *Beowulf: a new verse translation*, 2000), вознес поэму на вершину списка литературных бестселлеров в Англии и США. Ценность перевода Хини в сохранении смысловой и этической глубины поэмы, преемственности традиции образного словосложения, построения кеннингов — ключевых элементов ритма древнеанглийского стиха.

Как отмечает В. А. Кутырёв, «традиции — историческая форма бытия констант, их путешествие во времени» [Кутырёв, 2015, с. 107]. Обращение к героическому эпосу, осмысление особенностей самобытной культуры британского мира, его германской составляющей, зафиксированной жанровой формой, актуальны и сегодня в контексте преемственной связи времен, проблемы самоопределения современного общества по отношению к истории своего бытия.

Германский эпический герой прибыл на Британский архипелаг (V век) в эпоху Великого переселения народов (IV—VI века). Первые его подвиги, по образному замечанию Дж. Кэмпбелла, — «расчистка поля», «избавление от чудовищ, оставшихся от первобытных времен, и победа над тиранами, посягающими на блага своих соседей» [Кэмпбелл, 2022, с. 406]. Эпические сказания о конунгах, совмещавших роль главы рода и роль военного вождя, складывались в дружинно-родовой среде и выражали общепринятое и должное в политической идеологии зарождающихся на обломках Римской Империи государственных образований. «Беовульф», с данных позиций, — жанровое наследие потестарной лингвокультуры, поэтический инструмент самоидентификации и утверждения статуса политического сообщества в раннесредневековом мире. Власть в эпическом повествовании — субъект истории и объект имагологического конструирования, предполагающего определенные знаковые средства различения и презентации высшей, элитарной, социальной страты.

Подход к изучению власти через понятие «элита» активно разрабатывался французскими медиевистами в рамках коллективного проекта “Elites in the Early Middle Ages” [Bougard et al., 2013]. Согласно данному подходу, опирающемуся на идеи социологов В. Парето [Pareto, 1968] и Г. Моски [Mosca, 1939], в каждом обществе выделяется правящее меньшинство (*upper crust*), которое состоит из тех, кто занимает доминантное социальное положение (*a high / dominant social position*), кто отличается своим благосостоянием, особой культурой, знанием и получает признание со стороны других людей, общества в целом [Bougard et al., 2013, p. 738]. В раннесредневековом германском мире это положение могло передаваться по наследству и отражаться с рождения в имени (например, *Eadwold: eād* ‘богатство’ + *weald, wald* ‘власть’, ‘властвующий’; *Æþeric: æþele* ‘благородный’ + *rice* ‘властелин’, ‘могущественный’; *Birhtwold: beorht, byrht* ‘светлый’ + *weald, wald* ‘власть’, ‘властвующий’ (см. об этом: [Томберг, 2019, с. 97]). Доступ в высшую социальную страту можно было получить в результате брачного союза, благодаря владению имуществом (сокровищами), успешной службе и благосклонности правителя [Bougard et al., 2013, p. 738—739].

В поэме «Беовульф» социальная элита — это конунг (*cyning, þeodcyning, leodcyning*) и его ближайшее окружение, включающее родовой клан (*cyunn*) и боевую дружину (*gedryht, gedriht: hæleþa gedryht, eodur Scyldinga* [Bwf., p. 662—663] — *любимая дружина, опора Скульдингов*), в которую входили эрлы (*eorlas*) — люди благородного происхождения (*æðelingas* ‘princes, noblemen’), стремящиеся к боевой славе (... *þær Hroðgar sæt ... mid his eorla gedriht* [Bwf., p. 356—357] — *где Хротгар сидел в окружении эрлов*), и тэны (*þegnas*), то есть свободные служивые, война для которых была

основным занятием (*Higelaces þegn* (Bwf. 194) — *тэн, воин на службе у Хигелака*). Как писал К. Тацит, наличие дружины было одним из отличительных признаков положения германских властителей. От способности конунга привлекать на службу воинов, успешно возглавлять их в грядущих походах зависела его власть и авторитет [Тацит, 2010, с. 13].

Согласно исследованиям, в раннем Средневековье принадлежность к правящему меньшинству во многом зависела от социального признания (*social recognition*). Для укрепления своего положения элита должна была создавать свой образ, «социальный имидж», вырабатывать способы конструирования и демонстрации своей идентичности [Bougaard et al., 2013, p. 740]. Концепция власти как элитарной социальной общности предполагает, таким образом, исследование форм ее самовыражения, средств выстраивания иерархии, властвования одних над другими.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Презентационная сторона, образы власти как знаковые комплексы (включая архитектурные объекты, изображения, жесты, символические предметы, церемонии, ритуалы и т. п.) исследуются в потестарной имагологии, стремительно развивающейся в рамках исторической науки [Бойцов, 2010; Аникьев и др., 2021]. Предмет интереса потестарной имагологии, как отмечает М. А. Бойцов, — «образы, возникающие по поводу любых отношений власти, любой детали социальной организации, предполагающей отношения доминирования и подчинения. При этом большинство из исследуемых имагологом находятся в прямой связи с восприятием того или иного правителя или института управления [Бойцов, 2010, с. 14]. В поле научного поиска ученых-историков, работающих в данном направлении, — происхождение того или иного потестарного знака, исторический контекст, в котором он формировался, географический и культурный ареал его распространения, особенности бытования, смысловые трансформации, возможности реконструкции. Потестарная имагология открывает возможности для исследований того, каким образом власть представляется и воспринимается в исторических контекстах, как формируется внешняя, перформансная сторона потестарных институтов и практик, какие смысловые составляющие культурных контекстов социальных взаимодействий порождают отношения доминирования и подчинения.

Художественные образы власти, языковые средства их репрезентации в лингвокультуре — объект изучения лингвистической имагологии, возникшей на пересечении сравнительного литературоведения, лингвокультурологии, лингвоаксиологии, лингвопоэтики, лингвоперсонологии и этнолингвистики. Как отмечает О. В. Томберг, «художественный образ соотносит идеальное отражение фрагмента реальности с миром культуры через

выделение ценностно значимых и эмоционально переживаемых признаков интерпретируемой действительности» [Томберг, 2019, с. 5]. С точки зрения лингвистической имагологии, как и исторической, «центральное место в системе образов принадлежит человеку в его исторически обусловленной типизации» [Там же]. Ученый большое внимание уделяет принципам построения художественной имагосферы определенной эпохи, параметрам степени культурной разработанности имагологических полей, включая *персонажный репертуар входящих в них образов, жанровый охват, концептуальную широту, архетипические и ценностные составляющие*. Исследования такого рода открывают возможность для создания имагологических словарей национальных лингвокультур.

С позиции лингвосемиотики на первый план выдвигаются прагматические характеристики потестарного образа как сложного знака, «вложенная в знак программа его интерпретации, культурно-смысловая ген передаваемой информации» [Карасик, 2012, с. 7]. При этом выделяются три модуса прочтения знака — эмблематический, аллегорический и символический, представляющий собой высшую ступень семиотического освоения реальности [Там же].

Эмблема, в отличие от символа, содержит в себе конвенциональное приглашение; она определена, не предполагает расширительного толкования, должна быть опознана, а не разгадана. Эмблематический знак обозначает физическую личность или предмет и во многих случаях используется для выражения идентичности индивида или группы [Пастуро, 2012, с. 9]. Символ, напротив, служит для импликации абстрактной социокультурной сущности, открытой для многомерной интерпретации, связан «с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [Символ..., 1987, с. 11].

Например, трон (*heahsetl* ‘высокое место’) в англосаксонском эпосе выступает как эмблематический атрибут, идентифицирующий высокопоставленного субъекта, выделяющий его среди ближайшего окружения (*heahcyning* — букв. ‘высокий конунг’ [Wwf., 1039] — о Хродгаре), и одновременно как символ, вбирающий в себя представления о сакральности земной власти — *weoroldafol* (заметим, что древнеанглийские наименования держателя престола — *bregu*, *cyning*, *dryhten*, *feoden*, *frea*, *fruma*, *hlaford* — обозначают также и небесного правителя), о ее преемственности (*épelstól* ‘наследный, родовой престол’), о ее назначении в устройстве мира (*bregostól* — место правителя, с которого он правит миром), и о власти как высшей силе, которая держит собой мир, социальный порядок и благоволит к почитающим ее (*gifstól* — место, перед которым подданные собираются для распределения даров) и т. д.

Аллегорическое толкование направлено на извлечение ценностно-духовного смысла иносказательного обозначения фрагмента реальности. Как и эмблема, аллегория (др.-греч. *ἀλληγορία* ‘иносказание’, *ἀλληγορέω* ‘говорить иначе’) допускает одно верное прочтение, однако, в отличие от буквального толкования, предполагает раскрытие сути обозначаемого на более глубоком смысловом уровне. Ярким примером может служить ималогема «чудовище» (Grendel), изображающая силы зла, противостоящие богам (*godes andsaca*) и людям (*ferhðgeniðla*), а также указывающая на сопричастие опасного Другого, грозящего подорвать основания господствующего социального миропорядка. Данный образ создается из сильных маркеров инаковости, по принципу инверсии или отрицания атрибутов добра, и является воплощением хаоса, перевернутого мира (*wræclastas træd* [Bwf., 1352b] — *идуший по пути изгнания*, *sceadugenga* [Bwf., 703a] — *блуждающий в темноте*, ‘сбившийся с истинного пути’, ‘пребывающий в пороке’, *dreamum bedæled* [Bwf., 721a, 1275a] — *лишенный радостей*, то есть спасительного благорасположения, милости высших сил, *feond on helle* [Bwf., 101b] — *враг из преисподней*, из *обители греха* и т. п.). С данной позиции, как пишет американский журналист и общественный деятель Дж. Квасневски, миссия Беовульфа заключается в обретении славы через борьбу со злом. При этом для совершения поступков, достойных величия, герою необходимо обладать тем, что древние греки называли *θυμός*, силой духа, направленной на добродетель и поражение зла [Kwasniewski, 2023]. Герои и короли, обладающие данным качеством, то есть непреклонной волею в противостоянии враждебным и пагубным силам, — это, таким образом, те, кто может навязать свою созидательную, добродетельную волю хаотичному миру вокруг себя.

Существует и другая, адаптированная к современной действительности конкретизация образа чудовищ в поэме. Так, по мнению Р. Бейтса, профессора английского языка и литературы в Колледже Святой Марии штата Мэриленд (Сент-Мэрис), поэма предупреждает будущие поколения о разрушительной силе людской жадности, гордыни и бесконтрольного гнева [Bates, 2012]. Грендель, согласно интерпретации профессора, олицетворяет гневную обиду (*resentful anger/rage*) социально исключенного, направленную на бенефициаров королевских щедрот, то есть воинов Хротгара, которых он в ярости преследует и пожирает в Хеороте. Эта же эмоция, именуемая нарицательно «гренделевым гневом» (*Grendelian resentment*), разрывает социальную ткань современного американского общества, обуревая и побуждая неудержимых «воинов справедливости» проявлять враждебность в отношении групп, получивших, по их мнению, незаслуженные привилегии и социальные блага на территории США (в частности, «американских мусульман»

(American Muslims), афроамериканцев (African Americans), «рабочих без документов» (*undocumented workers, undocumented noncitizens* — эвфемизмы, используемые для обозначения лиц, проживающих в стране или въезжающих в нее нелегально, без законного разрешения). Гневную обиду сопровождает порождающее ее чувство горькой утраты: «... angry resentment doesn't travel alone. It is accompanied — indeed, it has been birthed — by grief» [Bates, 2012]. Второе чудовище, с которым боролся Беовульф, воплощает скорбь по величественной Америке, Югу времен антибеллумской эпохи или идиллии пригородов 50—70-х годов прошлого столетия («золотому веку» США), тоску по потерпевшей крах идее о государстве всеобщего благосостояния (*Welfare State*). Третье чудовище, дракон, в прочтении Р. Бейтса — эмблема культуры, в которой богатство больше не циркулирует свободно и где люди перестали быть щедрыми. Драконы покрыты твердой чешуей, ядовиты, злобны и самовлюбленны. Они олицетворяют собой высшую степень концентрации капитала, информационных технологий, ресурсов и могут трактоваться как аллегория плутократии и триумфа цинизма над идеализмом. Беовульф умирает от ран, полученных при поражении монстра, а его племя предчувствует свое уничтожение от мечей врагов. Поэма, как справедливо заметил Р. Бейтс, «бросает холодный взгляд на способность людей жить в соответствии со своими идеалами. Сегодня ее послание о человеческих ограничениях звучит так же сильно, как и раньше» [Bates, 2012].

Системный лингвосемиотический подход к изучению знаковых комплексов культуры направляет внимание исследователей на средства и способы интродукции социальных ценностей, вербальные и невербальные знаки и их последовательности, формирующие презентационное лингвосемиотическое пространство дискурса [Олянич, 2007]. Власть, с точки зрения рассматриваемого подхода, коренится в самих знаковых средствах ее коммуникации. Изучение данного феномена предполагает выявление и типизацию различных презентем, раскрывающих его ценностное содержание.

Исходя из обозначенных теоретико-методологических ориентиров, исследование презентационной стороны власти в эпическом тексте производится путем установления и анализа лингвистических средств, их микросистем, фиксирующих различные грани внешних проявлений принадлежности к высшей страте, и направлено на формирование комплексного представления о коллективной самопрезентации правящего меньшинства, способах его заявления о себе как определенной общности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Используя разнообразный формульный арсенал выразительных средств языка, поэма «Беовульф» формирует идеальный образ власти в англосаксон-

ской лингвокультуре раннего Средневековья. Презентемы правящего меньшинства в эпическом тексте включают а) знаки самоидентификации, или персональные интродуктивы, фиксирующие связь субъекта с концептами РОД, НАРОД, СОЦИУМ, СЕМЬЯ (*cyn, theod leode, folc, sib*) и обуславливающие определенное выстраивание с ним отношений; б) знаки телесного отличия (красота, особая физическая сила, манера держаться и т. п.); в) локусы власти (места ее средоточия — *medelstede*); г) атрибуты власти (облачение как знаково-символический комплекс, предметы, служащие для демонстрации статуса и т. п.); д) акциональные знаки (обозначения действий, описывающие ролевое предназначение субъекта власти в социуме).

3.1. Персональные интродуктивы и телесные презентемы власти

Существенную роль в потестарной культуре раннего Средневековья играли единицы, указывающие на принадлежность индивида к кровнородственной общности, ряду поколений, происходивших от общего предка и носивших общее родовое имя: *Hroðgar ... , helm Scyldinga* [Bwf., 371a, 456a, 1321a] — *Хродгар ... , защитник Скильдингов* (букв. «шлем» потомков Скильда Скевинга (*Scyld Scefing*), родоначальника королевской династии данов). Для правителя знаки благородного происхождения — средство демонстрации обществу династической преемственности и, соответственно, легитимности своего социального положения (... *wisa ... , sunu Healdenes* [Bwf., 1698] — *мудрец, сын Хальвдана*). Отсюда необходимое присутствие в поэме генеалогических рядов, выражающих стремление господствующей страты обосновать правомерность своей власти и одновременно придающих достоверность повествованию:

Dæt feower bearn forðgerimed

*in worold wocun: weoroda ræswa,
Heorogar, 7 Hroðgar, 7 Halga til.*

Hyrde ic þæt [ides] [wæs] [æþ]elan
scwen,

Heaðo-Scilfingas healsgebetta
[Bwf., 59—62].

*Родилось от него [от Хальвдана],
как есть,*

четыре на землю: войска предводитель,

Хеорогар, и Хродгар, и Хальга Добрый.

*Слышал я и о девице, что славной
была королевой,*

Великого Скевинга поборницей.

Обратим внимание, что появление любого знатного персонажа в поэме сопровождается сообщением о его предках (*Weoxstanes sunu leoflic lindwiga, leod Scylfinga* [Bwf., 2602—2603] — *сын Веохстана, щитоносец, любимец Скильвингов; Unferð, Ecglafes bearn* [Bwf., 499] — *Унферт, отпрыск Эгглафа*).

Знаки статусного различения встроены в этикетные формы самопредъявления субъектов. Так, Беовульф сообщает береговой охране данов о том, что он и прибывшие с ним воины из рода людей (*we synt gumcynnes*), из народа геатов (*Geata leode*), что они люди Хигелака (*Higelaces heorðgeneatas*) и что отец его прославленный, благородный Эггтеов (*Wæs min fæder folcum gecyþed, æþele ordfruma, Ecgþeow haten*) [Bwf., 261a—263b]. Заметим, что принадлежность к роду людей упоминается первой в этой последовательности персональных интродукций, поскольку служит основой семантической дифференциации *своего* и *чуждого* в этнографическом и социальном устройстве мира, определяет взаимодействие с враждебными племенами, вытесняемыми на периферийные пустошные земли (*...milgearnearces þæt se mere standeð... [Bwf., 1362] — пространство по ту сторону, где болото стояло*) и отождествляемыми с хтоническими существами (*scuccan ond scinnan [Bwf., 939] — демоны и призраки*).

Потестарная лингвокультура, таким образом, вырабатывает систему правил, требующих от субъекта представление себя определенным образом и определяющих его как своего или враждебного другого (*homo hostilis*). Согласно П. Бурдые, именование — фундаментальная процедура власти, производящая социальные группы и иерархии и обуславливающая восприятие этих групп обществом, а также последующее отношение к ним [Бурдые, 1993, с. 148—149].

Сюжетная доминанта поэмы — борьба людей (*moncynn*) с существами из враждебного, «по ту сторону границ», пагубного мира (*mearcstapa, wyrmcynnes, laðan cynnes, man-cynne fram*). Отсюда фокусировка эпической традиции на должных качествах субъекта, достойного власти (*rices wyrðra*), как воина и охранителя существующего социального порядка:

*Monig oft gecwæð
þætte sud ne norð be sæm tweonum,
ofer eormengrund, ofer nænig
under swegles begong selra nære
ronðhæbbendra, rices wyrðra
[Bwf., 857b—861].*

*Многие часто сказывали,
что ни на юге, ни севере между мо-
рями,
на земле широкой, никто другой
под сводом неба не был лучшим
щитоносцем, власти достойным.*

Военные способности правящей элиты получают множественную языковую экспликацию. Так, например, качества, необходимые в междоусобных войнах, отражаются в эмблематических двухкомпонентных именах (*Hroð-gar* — ‘слава + копьё’, ‘добывший славу в битве’, *Heoro-gar* — ‘воинство + копьё’, *Beowulf* — ‘битва + волк’, *Beado-wulf* — ‘боевой волк’), эпитетах (*glædman Hroðgar [Bwf., 367b] — славный Хродгар; heorugrimme*

Hreþles [Bwf., 1847] — *яростный меч Хредель* (‘свирепый, воинственный’) и т. п.). Имя главного персонажа (*Beowulf*) — символически нагруженный знак трансгрессивной природы. Подобно изображению хищника на пластинах шлема или рукояти меча, оно означает магическую связь с тотемным покровителем, помогающим воину проявлять бесстрашие и летальную свирепость в бою.

В поэме подчеркивается значимость внешнего, телесного фактора в социальной стратификации. Предводитель войска должен отличаться от своих дружинников физической силой, искусно владеть оружием, иметь представительную наружность, связываемую с его статусом (*ænlic ansyn* [Bwf., 251b] — *благородная внешность* (дозорный данов о Беовульфе)), обладать умом и красноречием (*wordhord onleac* [Bwf., 259b] — *сокровищницу слов открыл* (о Беовульфе); *ne hyrde ic snotorlicor on swa geongum feore guman þingian* [Bwf., 1842b—1843] — *Не слышал я, чтобы так мудро столь юный воин речь слагал; þu eart mægenes strang ond on mode frod, wis wordcwida* [Bwf., 1844—1845a] — *ты крепок силой и умом, речами мудр* (Хродгар — Беовульфу)). Социальный образ субъекта власти, таким образом, выстраивается на основе совмещения понятий красоты, физических, умственных способностей и почета.

3.2. Локусы власти

К местам средоточия властвующей элиты поэма относит Хеорот (*Heorot*, *Олений зал, дружинный дом*), комплексный знак демонстрации власти обществу, индивидуального авторитета конунга и величия его королевства. Первенство престижа и статуса подчеркивается исходящим от объекта постарной архитектуры светом, вовлекающим в орбиту своего влияния территории соседей (*lixtē se leoma ofer landa fela* [Bwf., 311]).

Хеорот располагается на возвышенности и увенчан рогами оленя (*Sele hlifade, heah ond horngeap* [Bwf., 81b—82a]), декоративным элементом, выполняющим эмблематическую, денотативную функции места собрания знатных воинов. Но это также символ, встроенный в пространственную модель мира германо-скандинавской мифологической системы, вертикальная основа которой — пропитанное священным медом поэзии ясеневое дерево (др.-сканд. *yggdrasill*), связывающее мир людей (др.-сканд. *miðgarðr*) с миром богов (др.-сканд. *ásgarðr*) и павших воинов (др.-сканд. *valhöll* ‘чертог убитых’, Вальхалла), а также с нижним северным миром простых мертвых (*hel* ‘загробный мир’). В этой вертикальной космической схеме оленя (четыре посередине дерева и один (*Eikúyrnir*) на своде Вальхаллы) щиплют вновь вырастающие листья, на которых записаны судьбы людей [Негреев, 2012, с. 131]. В поэме Хеорот уподобляется «земной Вальхалле», где воины, достойные небесного чертога, распивают медовый напи-

ток (*swetne medo*) из чаши, которую им преподносит Вальхтеов, *Wealhþēow (goldhroden freolicu folccwen* [Bwf., 640b—641a]).

Описания облика Хеорота раскрывают не только раннесредневековые представления о потестарной архитектуре (*goldsele* [Bwf., 715a] — *золотой дворец*, *hrof golde fahne* [Bwf., 925b—926a] — *кровля, золотом покрытая*), ее выразительных особенностях, но и о ритуалах власти, практиках пира (*symbol*) и дара (*maðmas geaf, maþðungifu, forgeaf*), участники которых, так же как и предметы, являются неотъемлемыми элементами пространства власти, номинативно вписаны в него [Палашевская и др., 2021, с. 85—86]. Золотая палата (*gold + sele* [Bwf., 715a]), сокровищница данов (*beah + sele* [Bwf., 1177a]) или зала для раздачи даров (*gif + healle* [Bwf., 838a]) предполагает присутствие того, кто раздает воинам золото (*gold + wine gumena* [Bwf., 1171a, 1476a, 1602a] — *золотой друг воинов*), а также наличие престола, с которого раздаются дары (*gif + stól* [Bwf., 168a, 2327a]). Медовая трапезная (*medo + ærn, medo + heal, medu + seld* [Bwf., 69a, 484a, 638a, 3065b]) вмещает скамьи для медовых пиршеств (*meodo + setla, medu + benc* [Bwf., 5b, 775a]), медовую чашу (*medo + ful* [Bwf., 624b]), медовое веселье (*medu + dream* [Bwf., 2019a]) и т. п. Части этих сложносоставных слов собирают предметы и действия в визуально упорядоченном пространстве власти. Обозначаемые данными лексемами объекты обладают «побудительным качеством», называемым в теории дизайна «аффордансом», и направлены на воспроизведение потестарного церемониала, символически выражающего господство, с одной стороны, и подчиненность — с другой. Поощрение ратного подвига в виде раздачи даров и угощения медовым напитком, скреплявшего произносимые воинами клятвы и застольные речи, являлось способом рекрутирования, специальной выучки и укрепления политической элиты, было направлено на актуализацию ценностей культуры войны в должных сценариях бытия воина (*fæge, deadfæge* [Bwf., 522a, 846a, 850a, 1241a, 2077a] — *направляемый судьбой к смерти*), его верноподданного служения конунгу.

Символически медовый пир в Хеороте воплощает не только ценности войны, но и является доказательством могущества его устроителя, актом демонстративного потребления воинами материальных ценностей, раздаваемых конунгом щедрот. Как подчеркивает Т. Веблен, потребление или праздность, осуществляемые приближенными за счет своего покровителя, представляют собой капиталовложение с его стороны с видом на увеличение своей доброй славы: пусть тем самым всем людям будет ясно, из какого источника они [приближенные] черпают [Veblen, 1899, p. 41].

3.3. Атрибуты власти

К эмблематическим ценностям, атрибутам власти, в поэме относятся прежде всего а) искусно изготовленное **снаряжение знатного воина** (*eorl-*

gewæde [Bwf., 1442a]), включающее предметы оружия (*fætte scyldas* [Bwf., 333b] — *щиты, золотом покрытые*), боевой одежды (*beaduscud* [Bwf., 453a] — боевая сбруя, *hringed byrne* [Bwf., 1245b] — *нательные доспехи из сплетённых в сетку колец; herebyrne hondum gebroden, sid ond searofah* [Bwf., 1443—1444b] — *кольчатая броня, вручную выделанная, широкая, затейливо украшенная*), боевые наголовья с чеканным изображением вепря (*hwita helm... since geweordad... besette swinlicum* [Bwf., 1449] — *сверкающий шлем, драгоценный, вепрем увенчанный*); б) **боевые скакуны** (*tearas lungre, ... æppelfealu* [Bwf., 2163b—2165a] — *рысаки стремительные, с яблочным узором*) и **конская амуниция** (*sadol searwum fah* [Bwf., 1038] — *седло, богато отделанное*), латы скакунов, подвески конского оголовья (*tearas fætedhleore* [Bwf., 1035b—1036a]); в) **средства морского передвижения** (*sidfæpmed scip, on ancre fæst* [Bwf., 302b—303a] — *ширококорпусный корабль стоял на якоре; þær æt hude stod hringedstefna* [Bwf., 32] — *там в гавани ждала ладья крутогрудая*).

Ценность предмета, служащего надежным идентификатором статуса, выражалась в его уникальности, редких качествах, знатном происхождении, боевой истории. Так, например, Беовульф прибыл в Хеорот в кольчужной рубаше работы большого оружейного мастера, бога-кузнеца Веланда (*Welandes geweorc* [Bwf., 455a]), лучшем нательном доспехе (*hrægla selest* [Bwf., 454a]), высочайшем образце доспешного мастерства (*beaduscuda betst* [Bwf., 453a]), доставшемся воину в наследство от его наставника Хределя (*Þæt is Hredlan laf* [Bwf., 454b]). А старинный меч, который Беовульф находит в озере чудовищ, — искусная работа гигантов (*god ond geatolic, giganta geweork* [Bwf., 1562]).

В англосаксонской культуре меч выступал знаком не только статусной, но и гендерной идентичности, задающим набор определенных качеств и моделей поведения его обладателя. Представление об оружии как эмблематическом атрибуте маскулинности отражено в таких эвфемистических обозначениях признака пола в древнеанглийском языке, как *wæpnedman* — ‘мужчина’ (букв. *вооруженный человек*), *wæpnedcild* — ‘мальчик’ (букв. *вооруженный ребенок*) [Christie, 2004, p. 152].

В «эпоху доблести и хищничества» [Veblen, 1899] связь с символическим пространством культуры характерна прежде всего для военных атрибутов власти, ее ценностных доминант, лежащих в основе жизнестойкости появляющихся раннегосударственных образований. Экспрессивно-символические предметы вооружения (детали убранства коня, оружие, декорированное плетеным змеиным орнаментом и рунами и т. п.), трофеи хищнических набегов являлись своего рода демонстрацией превосходящей силы их обладателя и общепринятой основой почета, социального признания.

Критериями ценности объекта эпического мира и вероятности его символической нагрузки могут служить номинативная разработанность, детализация описаний, сюжетообразующая функция, включенность в публичные ритуальные практики. Так, значимость корабля в англосаксонской культуре раннего Средневековья подчеркивается внушительным номинативным рядом, включающим более шестидесяти единиц [Песина, 2018, с. 155; Карамышев, 2019, с. 887]. При этом такие древнеанглийские слова, как *scip*, *bat*, *nasa*, *siopel*, могли обозначать любое морское судно, а номинативы частей корабельной конструкции (*ceol* ‘киль’, *bord* ‘борт’ и т. п.) служили метонимическим обозначением целого [Карамышев, 2019, с. 888—889]. Текст поэмы изобилует поэтическими эпитетами, кеннингами и перифразами, обозначающими это важнейшее боевое и презентационное средство власти: *sægenga* [Bwf., 1882b] — *по морю идущий*, *wegflota* [Bwf., 1907a] — *летающий по волнам*, *sæwudu* [Bwf., 226a] — *моря древо*, *sidfæpme* [Bwf., 1917b] — *широкоребрый*, *flota famiheals fugle gelicost* [Bwf., 218] — *корабль, пеной покрытый, парил, словно птица*.

Будучи одним из центральных мифопоэтических символов, корабль встроен в обряд погребения субъектов власти, выполняя функцию отпускаемого в море или помещаемого в курган и нагружаемого сокровищами (*madma fela* [Bwf., l. 36b]) погребального ларнака: *Aledon þa leofne þeoden, beaga bryttan, on bearm scipes, mærne be mæste. Þær wæs madma fela of feorwegum, frætwa gelæded* [Bwf., 34—36b] — *Положили туда любимого правителя народа, колец дарителя, в остов корабля под мачтой. С ним же — много сокровищ, из дальних походов добытых*. Поэтический текст погружает образ корабля в мифологическое прошлое германо-скандинавской культуры, репрезентирует данный объект как символ связи миров, отсылая к мифу о золотом корабле, на котором души воинов переправляются в священную Вальхаллу.

3.4. Акциональные знаки власти

Поведенческие обозначения власти раскрывают ролевое предназначение ее субъектов, включая, прежде всего, их территориальные устремления, отношения с соседними и дальними народами, определяющие геополитическое положение потестарного образования. Соответственно, выделяются лексемы (*meodosetla ofteon* — отнимать медовые скамьи, ‘побеждать’, *gefeohtan* ‘биться, сражаться’, *forþringan* ‘сокрушать’, *slean*, *ofslean* ‘убивать, сражать’), выражающие представления о власти, основанной на военном превосходстве, силе, удерживающей за собою пройденные дружиной земли и не допускающей опасного преобладания соперника, принуждающей другие народы мечом и угрозой к исполнению своих притязаний, данническому подчинению (*ofer hronrade hyran scolde gomban gyldan* — *дорой китов, покориться принудил, дань доставлять* [Bwf., 10—11]).

В то же время власть как защищающая, оберегающая сила в непрекращающейся племенной борьбе представлена такими обозначениями субъекта власти, как, например, *hleō* ‘кровля, свод, укрытие’ (*wigendra hleo* [Bwf., l. 429, 1972, 2337] — *воинов защитник*; *eorla hleo* [Bwf., l. 791, 1035] — *покровитель эрлов*), *helm* ‘шлем’ (*helm Scyldinga* — *защитник Скильдингов* (о Хродгаре)), *mund* ‘рука’ (*Wes thu mundbora minum magothegnum, hondgesellum, gif mec hild nime* [Bwf., l. 1480—1481] — *Будь заступником моим молодым воинам, моим храбрым товарищам, если я в битве паду* (Беовульф — Хродгару)), *eorod* ‘стена, ограждение, заслон’ (*eorod Ingwina* — *защитник Ингвинов* [Bwf., 1044] и др.).

Власть как мудрость, целеполагающая политическая прозорливость (*fróðan fyrnwitan*) в вопросах войны и мира, заключения межземельных союзов, упрочнения внутреннего единства общества и его внешнего статуса в долгосрочной перспективе требовала превосходства в особых способностях, знании, приобретенном опыте, выковывания необходимых прогностических качеств для управления ресурсами и людьми. В тексте поэмы выделяется ряд ценностных прескрипций, формирующих мудрого конунга (*wis cyning, wisdom heold*). Например, *Lofdædum sceal in mægþa gehwære man geþeon* [Bwf., 24—25] — *Должно делать так, чтобы в племени каждый человек процветал* и др. (см. об этом: [Палашевская и др., 2023, с. 273]).

Власть-веление, предполагающее повиновение подданных, проявляет себя в императивных речевых актах ее субъекта (*hatan, gebannan* ‘повелевать, приказывать’: *Da ic wide gefrægn weorc gebannan...* [Bwf., 75] — *Тогда, я слышал, большая работа была велена...* — о возведении Хеорота), являющихся своего рода «картами будущих территорий» [Науакэва, 1947, с. 81]. Субъект власти посредством слов способен творить не только будущее, но и настоящее. Эта созидательная, перформативная функция постестарного языка наглядно реализуется в ономатетических речевых актах, включающих значимый объект в языковую картину мира этноса (...*scop him Heort naman, se the his words geweald wide haefde* [Bwf., 78—79] — *создал ему имя Хеорот тот, кто власть слова повсюду имел*). Как отмечает В. Н. Топоров, «ономатетический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое слово первоначально было именем; оно было сакрально и, более того, ... «божественно»...; оно было и знаком этого «божественного» и тем делом-деянием (слово-дело), для которого нет ничего невозможного» [Топоров, 1998, с. 35]. Власть слова, таким образом, определяется перформативностью риторики ее субъекта, способностью учреждать социальную реальность (*Swá hē selfa bæd, þenden wordum weöld wine Scyldinga* [Bwf. 30] — *Пока он власть слова имел, вождь Скильдингов*).

Связь власти с идеей обладания, удержания отражена в др.-англ. лексемах *healdan*, *agan*, *wealdan*, *ricsian*, *fon*, *þingian*, *aliefan*. Так, глагол *healdan* ('иметь, держать в руках') употребляется в сочетаниях с лексемами *leod* (*народ*), *gifstól*, *bregostól*, *épelstól* (*трон, престол*), *maþmas*, *hord* (*богатства, сокровища*), *land* (*земли*). Однако обладание определенными ценностями недостаточно для признания статуса властителя. Объект обладания в потестарной культуре должен служить средством обмена, социального взаимодействия, иметь демонстративное значение.

Особая роль в культуре демонстрации власти отводится практике дара, которая сопровождает клятвы и соглашения во время публичных ритуалов, включавших слова, предметы и жесты. Как отмечает Ж. Бодрийяр, дар есть источник и самая сущность власти. Власть упраздняется лишь отдариванием [Бодрийяр, 2009, с. 108]. При этом акт дарения преследовал разные цели. Он мог быть платой за верную службу (*feohgyft* [Bwf., 1089a]), жестом инвеституры, закреплявшим зависимость принимающего дар от дающего, а также способом укрепления внешних связей, актом межземельного договора о помощи перед лицом высших сил (*ar* [Bwf., 456]). Так, по прибытии Беовульфа в Хеорот Хродгар обещает щедрые дары за храбрость геата, отважившегося на поединок с чудовищем (*Ic þæt gem godan sceal for his modþræce madmas beodan* [Bwf., 384b—385]). Он делает это потому, что милостивый Бог, пославший героя данам, проявил благосклонность (*Hine halig God for arstafum us onsende, to West-Denum* [Bwf. 381b—383a]), которая требует взаимности. Ответный жест ценного дара, скрепляющий обдуманное обоюдновыгодное соглашение о дружбе и помощи (*lac ond luftacen* [Bwf. 1863] — *дар и залог любви*), превращал соперников в борьбе за существование в естественных союзников. И Хротгар дарит Беовульфу-победителю боевой стяг (символ дружины как социального института), шлем, искусные латные доспехи и прославленный меч. За этими дарами следуют дары в виде благородных скакунов и боевого седла. Возможно, Хродгар не был бы столь щедр, если бы храбрый Беовульф не принадлежал к знатному роду, верхушке общества геатов. Как отмечают ученые, практика щедрого дара, свойственная раннесредневековой элите, была направлена на укрепление и сплоченности элитарных общностей, обеспечение минимального перераспределения богатств и, таким образом, упреждения господства сильных [Vougaard et al., 2013, p. 746]. Дар, таким образом, вписан в систему потестарных отношений, основанных на необходимости или дружеских элитарных связях.

Заметим, что Хродгар не только щедро одаривает Беовульфа, но и публично нарекает своим сыном.

*Nu ic Beowulf, þec,
secg betsta, me for sunu wylle
freogan on ferhþe. Heald forð tela
niwe sibbe. Ne bið þe ænigre gad
worolde wilna, þe ic geweald hæbb
[Bwf., 946b—950].*

*Отныне ты, Беовульф,
лучший из воинов, сыном приходишь-
ся мне
в мыслях и сердце. Держись впредь
этого родства. Не будет тебе отка-
за ни в чем из желанного в мире, над
чем власть я имею.*

В мире данов этот перформативный вербальный жест открывал иноземному герою возможность получения права на участие в местном управлении. Однако в ход событий вмешивается супруга конунга (*swen Hroðgares*). Обеспокоенная судьбой своих сыновей, она просит Хродгара щедро отблагодарить героя, но казну и земли оставить сородичам, а власть, в случае гибели самого Хродгара — его племяннику Хродульф (*Hrothulf*) [Bwf., 1180—1187], сохраняя обычай преемственности в наследовании капитала и привилегий. Свою речь королева также сопровождает ценными дарами, преподнося Беовульфу запястные кольца, латные доспехи и свое ожерелье.

Дарение, таким образом, сопровождает политически значимые договорённости персонажей. Принимая дары от Вальхтеов, Беовульф остается верен Хигелагу, правителю геатов. Акты демонстративной траты и ее принятия, встроенные в сложные схемы политических соглашений, структурирующих внутренние и внешние социальные связи, являлись средством конструирования социальной среды, социального порядка и соответствующей ему структуры властных отношений.

4. Заключение = Conclusions

Лингвосомиотический подход к изучению феномена власти направлен на системное описание специфики ее внешней стороны, способов ее самопрезентации и демонстрации обществу, характерных для определенного этапа развития национальной лингвокультуры. Власть, с данных позиций, рассматривается как коммуникативная система знаков-презентем, сигнализирующих о принадлежности к правящей элите, взаимосвязанных средств конструирования и сохранения ее идентичности, открывающей доступ к наиболее ценным социальным благам.

Знаковые комплексы власти в англосаксонской эпической лингвокультуре включают различные группы субъектных, объектных, акциональных обозначений власти, ее атрибуты, выполняющих денотативную функцию и одновременно встроенных в символические систему культурных кодов, отражающих определенное устройство социального мира. Любой

объект в раннесредневековой культуре, представляющий собой ценность власти, средство ее идентификации, легитимации и публичной демонстрации, становится важным элементом языкового пространства, получает символическую нагрузку, связывает мир людей с миром мифопоэтических символов. Символические значения, в свою очередь, определяют статус объекта в раннесредневековом обществе. В культуре, восхваляющей войну, сокрушительную силу воинов и презрение к «дикарям», к знакам власти одних людей над другими относятся прежде всего благородное имя и материальные свидетельства выдающейся доблести, добытой в бою славы.

Сегодня «Беовульф» все менее воспринимается как история победы добра над злом, «врагами преисподней» (*feond on helle*), уничтожаемых доблестными воинами. В контексте современных интерпретаций истории Британских островов эта поэма скорее об этническом и политическом насилии, о воинственной и безжалостной воле к власти, грозной покоряющей силе, стремящейся за пределы своих первоначальных владений. Это объемное, эпическое представление социально значимых событий с позиции элитарных групп, репрезентация знаковых форм и способов их бытия, служащих укреплению идентичности англосаксонского мира, его ценностно-экзистенциальных доминант в эпоху раннего Средневековья.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Bates R. How Beowulf Can Save America. An Epic Hero's Guide to Defeating the Politics of Rage [Electronic resource] / R. Bates // CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012. — Access mode : <https://betterlivingthroughbeowulf.com/> (accessed 14.10.2024).
2. Bwf. — *Beowulf* (online edition) [Electronic resource] // The British Library and the University of Kentucky College of Arts & Sciences. — 2015. — Access mode : <https://ebeowulf.uky.edu> (accessed 20.05.2024).
3. Kwasniewski J. Beowulf and the thumos of Catholic manhood [Electronic resource] / J. Kwasniewski // The Dispatchю — 2023. — Access mode : <https://www.catholicworldreport.com/2023/12/28/> (accessed 14.10.2024).
4. Wood M. On Beowulf [Electronic resource] / M. Wood. — BBC4. — 2009. — Access mode : <https://annathomson.dunked.com/michael-wood-on-beowulf> (accessed 14.10.2024).

Литература

1. Аникьев И. И. Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / И. И. Аникьев, М. А. Бойцов, А. Ю. Виноградов и др. ; отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников. — Москва : Высшая школа экономики, 2021. — 305 с. — ISBN 978-5-7598-2311-7.
2. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? / М. А. Бойцов // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. — С. 5—37. — ISBN 978-5-91419-366-6.

3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // THESIS. — 1993. — Выпуск 2. — С. 137—150.

4. Карамышев Е. А. Древнеанглийская корабельная лексика «устройство корабля/scipes timber» в этимологическом аспекте / Е. А. Карамышев // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24. — № 4. — С. 887—891. — DOI: 10.33184/bulletin-bu-2019.4.21.

5. Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 43—50.

6. Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция / В. А. Кутырёв. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. — 312 с. — ISBN 978-5-9905768-9-6.

7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. — Санкт-Петербург : Питер, 2022. — 544 с. — ISBN 978-5-4461-1292-0.

8. Негреев И. О. Древнескандинавский образ мирового дерева Игдрасиль : функции и значение / И. О. Негреев // Евразия : духовные традиции народов. — Москва : Российский православный ун-т св. Иоанна Богослова, 2012. — № 2. — С. 131—138.

9. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. — Москва : Гнозис, 2007. — 407 с. — ISBN 5-7333-0184-8.

10. Палашевская И. В. Пир в Хеороте : презентемы власти в германском обществе раннего средневековья (на материале поэмы «Беовульф») / И. В. Палашевская, В. В. Гогенко // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. — 2021. — № 12/3. — С. 83—89. — DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12-3.13.

11. Палашевская И. В. Ценности власти в англосаксонском героическом эпосе раннего Средневековья / И. В. Палашевская, В. В. Гогенко // Жанры речи. — 2023. — Т. 18. — № 3 (39). — С. 267—274. — DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274.

12. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро ; пер. с фр. Е. Решетниковой. — Санкт-Петербург : Alexandria, 2012. — 446 с. — ISBN 978-5-903445-21-9.

13. Песина С. А. Исследование скорости распада синонимического ряда SCIP в истории английского языка / С. А. Песина, Е. А. Карамышев // Вестник Челябинского гос. университета. — 2018. — № 6 (416). — С. 154—160.

14. Символ в системе культуры / Ред. Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. — Тарту : Тарт. гос. ун-т (ТГУ), 1987. — 144 с.

15. Тацит К. Анналы. Малые произведения / К. Тацит ; пер. с лат. А. С. Бобовича. — Москва : АСТ, 2010. — 507 с. — ISBN 978-5-17-065507-6.

16. Томберг О. В. Аксиологические характеристики художественных образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / О. В. Томберг — Волгоград, 2019. — 486 с.

17. Bougard F. Elites in the Early Middle Ages / F. Bougard, G. Bühner-Thierry, R. Le Jan ; transl. by K. Throssell // Annales. Histoire, Sciences Sociales. — 2013/4 (68th Year). — Pp. 1079—1112.

18. Christie E. Self-Mastery and Submission: Holiness and Masculinity in the Lives of Anglo-Saxon Martyr-Kings / E. Christie // Holiness and Masculinity in the Middle Ages. — Toronto, Buffalo : University of Toronto Press, 2004. — Pp. 143—157. — ISBN 0-8020-4892-7.

19. Hayakawa S. Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings / S. Hayakawa. — New York : Harcourt, Brace and Company, 1947. — 243 p.

20. Mosca G. The ruling class / G. Mosca ; trans. Hannah D. Kahn. — New York : McGraw-Hill, 1939 [1896]. — 514 p.

21. *Veblen T.* The theory of the leisure class : an economic study in the evolution of institutions / T. Veblen. — New York : Macmillan, 1899. — Vol. VIII. — 400 p.
22. *Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology / V. Pareto, introd. by H. L. Zetterberg. — Totowa, New York : Bedminster Press, 1968. — 120 p.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 25.01.2025.

Material resources

- Bates, R. (2012). How Beowulf Can Save America. An Epic Hero's Guide to Defeating the Politics of Rage. *CreateSpace Independent Publishing Platform*. Available at: <https://betterlivingthroughbeowulf.com/> (accessed 14.10.2024).
- Bwf. — Beowulf (online edition). (2015). *The British Library and the University of Kentucky College of Arts & Sciences*. Available at: <https://ebeowulf.uky.edu> (accessed 20.05.2024).
- Kwasniewski, J. (2023). Beowulf and the thumos of Catholic manhood. *The Dispatch*. Available at: <https://www.catholicworldreport.com/2023/12/28/> (accessed 14.10.2024).
- Wood, M. (2009). On Beowulf. *BBC4*. Available at: <https://annathomson.dunked.com/michael-wood-on-beowulf> (accessed 14.10.2024).

References

- Anikiev, I. I., Boytsov, M. A., Vinogradov, A. Yu. (2021). *Architects, kings, pontiffs in medieval Europe*. Moscow: Higher School of Economics. 305 p. ISBN 978-5-7598-2311-7. (In Russ.).
- Bougard, F., Bühner-Thierry, G., Le Jan, R. (2013/4). Elites in the Early Middle Ages. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1079—1112.
- Bourdieu, P. (1993). Social space and symbolic power. *THESIS*, 2: 137—150. (In Russ.).
- Boytsov, M. A. (2010). What is potestar imagology? In: *Power and image. Essays on potestar imagology*. Saint Petersburg: Alethea. 5—37. ISBN 978-5-91419-366-6. (In Russ.).
- Campbell, J. (2022). *The Thousand-faced Hero*. St. Petersburg: Peter. 544 p. ISBN 978-5-4461-1292-0. (In Russ.).
- Chrstie, E. (2004). Self-Mastery and Submission: Holiness and Masculinity in the Lives of Anglo-Saxon Martyr-Kings. In: *Holiness and Masculinity in the Middle Ages*. Toronto, Buffalo: University of Toronto Press. 143—157. ISBN 0-8020-4892-7.
- Hayakawa, S. (1947). *Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings*. New York: Harcourt, Brace and Company. 243 p.
- Karamyshev, E. A. (2019). Old English ship vocabulary “ship structure/scipes timber” in etymological aspect. *Bulletin of Bashkir University*, 24 (4): 887—891. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.21. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2012). Semio-linguistic modeling of values. *Political linguistics*, 1: 43—50. (In Russ.).
- Kutyrev, V. A. (2015). *The last kiss. Man as a tradition*. Saint Petersburg: Aleteya. 312 p. ISBN 978-5-9905768-9-6. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1987). Symbol in the system of culture. In: *Scientific notes of the Tartu State University*. Tartu: Tart. State University (TSU). 144 p. (In Russ.).

- Mosca, G. (1939 [1896]). *The ruling class*. New York: McGraw-Hill. 514 p.
- Negreev, I. O. (2012). The Old Norse image of the world tree Yggdrasil: functions and meaning. In: *Eurasia: spiritual traditions of peoples*, 2. Moscow: Russian Orthodox University of St. Peter. St. John the Theologian. 131—138. (In Russ.).
- Olyanich, A. V. (2007). *The presentation theory of discourse: a monograph*. Moscow: Gnosis. 407 p. ISBN 5-7333-0184-8. (In Russ.).
- Palashevskaya, I. V., Gogenko, V. V. (2021). Feast in Heorot: the presentation of power in the German society of the early Middle Ages (based on the poem “Beowulf”). *Modern science: actual problems of theory and practice. The Humanities series*, 12/3: 83—89. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12-3.13. (In Russ.).
- Palashevskaya, I. V., Gogenko, V. V. (2023). The values of power in the Anglo-Saxon heroic epic of the early Middle Ages. *Genres of speech*, 18 / 3 (39): 267—274. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274. (In Russ.).
- Pareto, V. (1968). *The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology*. Totowa, New York: Bedminster Press. 120 p.
- Pasturo, M. (2012). *Symbolic history of the European Middle Ages*. St. Petersburg: Alexandria. 446 p. ISBN 978-5-903445-21-9. (In Russ.).
- Pesina, S. A., Karamyshev, E. A. (2018). Investigation of the rate of decay of the SCIP synonymic series in the history of the English language. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. University*, 6 (416): 154—160. (In Russ.).
- Tacitus, K. (2010). *Annals. Small works*. Moscow: AST. 507 p. ISBN 978-5-17-065507-6. (In Russ.).
- Tomberg, O. V. (2019). *Axiological characteristics of artistic images in Anglo-Saxon poetic linguoculture*. Doct. Diss. Volgograd. 486 p.
- Veblen, T. (1899). *The theory of the leisure class: an economic study in the evolution of institutions, VIII*. New York: Macmillan. 400 p.

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 25.01.2025.*